SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вступительная статья к книге М.М. Морозова "Театр Шекспира" — М.: Всерос. театр. о-во, 1984.

- Святослав Бэлза
- notes
  - 1

Святослав Бэлза
Вдохновенный друг Шекспира

Морозов М. М. Театр Шекспира (Сост. Е. М. Буромская-Морозова; Общ. ред. и вступ. ст. С. И. Бэлзы). — М.: Всерос. театр. о-во, 1984.

Почти все, пишущие об этом прославленном ученом, не могут удержаться от соблазна напомнить, что именно он изображен на серовском полотне "Мика Морозов". И тут нет ничего удивительного: ведь из числа портретов, созданных Валентином Серовым, этот — один из самых известных. Посетители Третьяковской галереи подолгу задерживаются у изображения сидящего в кресле очаровательного мальчика лет пяти. Кисть мастера запечатлела поразительно одухотворенное выражение лица ребенка, в громадных темных глазах которого одновременно и детское удивление, восторженность, и недетская серьезность, целеустремленность. Эта поистине "глаза души", души щедрой и пылкой, и такими их на всю жизнь сохранил профессор Михаил Михайлович Морозов (1897–1952), ибо именно он был тем мальчиком, которого увековечил Серов.

"Этот портрет передает не только Мику того времени; в нем Серов схватил основную черту его натуры, его необыкновенную живость, и оттого все находили этот портрет очень похожим и на взрослого Михаила" {Цит. по кн.: Михаил Морозов. Избранное. М., 1979, с. 617.}, - писала мать М. М. Морозова Маргарита Кирилловна (урожденная Мамонтова), которой довелось пережить своего сына. И другие люди, близко знавшие Михаила Михайловича, единодушно отмечают такое сходство. "Все в нем было броско и ярко: остро глядящие, черные с блеском глаза, звучный голос, громкий смех, — вспоминал Самуил Маршак. — Несмотря на его большой рост, мы неизменно узнавали в нем того жадно и пристально вглядывающегося в окружающий мир ребенка, "Мику Морозова", которого так чудесно изобразил когда-то великий русский художник Валентин Серов" {Там же, с. 622.}. Если картина Серова навсегда осталась в истории русской живописи, то мальчик, изображенный на ней, когда подрос, вписал заметную страницу в развитие отечественной филологии и театроведения.

Уже в молодости у Морозова проявился литературный талант, и он мечтал стать писателем. Сочинял рассказы и пьесы (несколько из них было поставлено маленькими московскими театрами в первые послереволюционные годы). Проявлял большой интерес к отечественной истории (о чем свидетельствует очерк "У града Китежа"). Затем увлекся режиссурой, начал переводить (обычно в соавторстве) пьесы Шиллера, Мюссе, Шекспира.

После него остались также замечательные стихи — в 1983 году они вышли отдельной книжкой в издательстве "Советский писатель". Но при жизни Михаила Михайловича мало кто знал, что маститый профессор "грешил" стихами, — это была внутренняя потребность, он сочинял их для себя, не помышляя о публикации.

У книжного слепого шкафа
С тобой мы коротаем ночь,
О, муза жизни, дочь Фальстафа
И феи златокудрой дочь!

Ее напевы сладострастны,
И мысли радостно ясны
И в бурях осени ненастной,
И в золотых огнях весны.

Ах, если сердце надрывалось,
В тугих висках стучала кровь, —
Она, как мать, ко мне склонялась
И к жизни возвращала вновь… —

писал Морозов в 40-е годы в стихотворении "Моей музе". Его муза поистине была "музой жизни", и стихи отражают поэтическое мировосприятие автора. Они отмечены мягким лиризмом, передающим тонкость и впечатлительность его художественно одаренной натуры, а глубокие познания ученого способствовали философской насыщенности создаваемых образов.

Круг интересов М. М. Морозова отличался необычайной широтой. Он был замечательным педагогом и видным общественным деятелем. Как исследователя его одинаково манили наука о литературе, театроведение и лингвистика. И три этих серьезных увлечения слились в одну всепоглощающую страсть к Шекспиру. В автобиографии Морозов назвал шекспироведение своим "любимым делом", — и действительно оно стало делом всей его жизни.

Слово "гений" само по себе служит исчерпывающей характеристикой и ни в каких дополнительных эпитетах вроде бы не нуждается. Но когда речь заходит о Шекспире, этого оказывается мало, и вот какими — и чьими! — определениями сопровождается оно применительно к творцу "Гамлета": "многосторонний" (Пушкин), "необъемлемый" (Лермонтов), "мирообъемлющий" (Белинский).

Более ста лет назад, в дни, когда отмечалось 300-летие со дня рождения величайшего английского поэта и драматурга, И. С. Тургенев сказал в своей речи: "Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошел в

нашу плоть и кровь". Это в самом деле так — достаточно вспомнить слова Пушкина об "отце нашем Шекспире". Опираясь на богатейшие традиции освоения шекспировского наследия русской культурой и филологической наукой, начало которому было положено еще в середине XVIII века, М. М. Морозов внес огромный вклад в развитие советского шекспироведения.

Определенным итогом его изысканий была превосходно написанная книга "Шекспир", впервые изданная в 1947 году в серии "Жизнь замечательных людей". Примечательно, что в этой книге есть глава, названная "Вопрос об авторстве". Дело в том, что с давних пор имеют хождение легенды, будто не сам низкородный Шекспир написал произведения, известные под его именем, и на их авторство выдвинуто множество претендентов. Но на поверку оказались не основательны все версии, согласно которым подлинным создателем шекспировских шедевров был граф Рэтленд, граф Оксфорд, граф Дерби или какой-нибудь еще титулованный сочинитель, или знаменитый философ Фрэнсис Бэкон, или не менее знаменитый драматург Кристофер Марло. Быть может, как раз потому Морозов столь яростно обрушивался на тех, кто ставил под сомнение авторство Шекспира, что сам он, казалось, знал о нем абсолютно все, словно был его современником.

По имени властвовавшей тогда королевы последние десятилетия XVI — начало XVII века в Англии принято называть елизаветинской эпохой. Человечество, однако, вносит со временем коррективы и в хронологию, для которой все чаще избираются в качестве ориентиров имена ярчайших светочей разума, а не тех или иных коронованных особ. Была дантовская эпоха в Италии и пушкинская пора в России, а ее величество Елизавета I восседала на английском троне во времена "царя драматических поэтов" — Шекспира.

Глубочайшим знатоком вот этой — шекспировской — эпохи был профессор М. М. Морозов. Он досконально изучил словарь Шекспира и английский язык XVI века со всеми бывшими в ходу идиомами, изучил быт и реалии "доброй старой Англии", что необходимо — как он показал — для полного постижения шекспировских текстов (см. его работы "Язык и стиль Шекспира", "Метафоры Шекспира как выражение характеров действующих лиц"). На страницах книг и статей М. М. Морозова не только сам Шекспир, но и его многочисленные герои предстают буквально как живые. Вслед за Пушкиным он подчеркивал необходимость восприятия образов, созданных гением Шекспира, в развитии и посвятил этому специальное исследование.

Особенно посчастливилось тем, кому удалось слушать

публичные выступления или университетские лекции профессора Морозова. Тут его беспредельная эрудиция и энтузиазм оказывались помноженными на ораторское дарование и подлинный артистизм, то в совокупности производило неизгладимое впечатление на аудиторию. Он как бы брал слушателя за руку и приглашал своершить вместе с ним увлекательное путешествие в страну чудес, имя которой — Шекспир. В этой стране ему был знаком каждый уголок, и он находил удивительно точные, убедительные слова, чтобы не только сделать для других близким и понятным, но и заставить их полюбить то, во что был горячо влюблен сам.

Морозовские труды о Шекспире еще при жизни ученого получили заслуженное признание как в нашей стране, так и за рубежом. Его обстоятельная работа "Шекспир на советской сцене" была издана в 1947 году по-английски в Лондоне с предисловием Дж. Довера Уилсона. В начале этого предисловия виднейший британский шекспировед писал: "Мы все отдавали себе отчет в том, что Шекспира высоко почитают в Советском Союзе, почитают к тому же "по традиции", как мог бы сказать Гамлет. Мы знаем также, что профессор Морозов один из ведущих, если не главный авторитет в этой области" {Shakespeare on the Soviet Stage by Mikhail Morozov. Introduction by J. Dover Wilson. London, 1947, p. 5.}.

В своих работах М. М. Морозов не раз упоминал имя замечательного русского трагика первой половины прошлого века Павла Мочалова, с огромным успехом игравшего Гамлета, Отелло, Лира. Взыскательный Белинский в статье "Гамлет", драма Шекспира, Мочалов в роли Гамлета" признал, что "для гения Мочалова нет границ". А в эпитафии актер был назван вдохновенным другом Шекспира. Слова эти, думается, с полным основанием могут быть отнесены и к профессору Морозову.

Настоящим другом Шекспира, его "представителем на земле" был он в глазах своих студентов и читателей, в глазах деятелей искусства — режиссеров, актеров, переводчиков, которые прибегали к его советам и помощи, приступая к работе над творениями "великого англичанина". Часто общавшийся с Михаилом Михайловичем в молодые годы доктор филологических наук М. В. Урнов констатирует: "С естественной восторженностью писал и говорил он о достижениях выдающихся советских переводчиков, рассматривая их работу как новый этап в осмыслении Шекспира. Но восторженность, чрезвычайная отзывчивость, благожелательность Морозова не колебали его принципов и не препятствовали критике. Отмечая неудачи и промахи, он исходил из кардинальной задачи перевода и потому

был строг и требователен. Вместе с тем он учитывал творческую индивидуальность переводчика, его возможности, указывал направление работы" {М. Урнов. Человек с огнем и талантом. Предисловие к кн.: М. Морозов. Избранное. М., 1979, с. 9.}.

"Как и для других, для меня Вы живой авторитет, англовед и шекспиролог, знаток английского языка и литературы, и все то, что я Вам однажды писал: человек с огнем и талантом…" {Цит. по сб.: "Мастерство перевода. 1969", М., 1970, с. 343.}, - обращался во время войны в своем послании к Морозову Борис Пастернак, трудившийся тогда над переводами "Гамлета" и "Ромео и Джульетты". Обе эти трагедии, а впоследствии также "Король Лир" и "Генрих IV" были изданы в переводе Б. Л. Пастернака с сопроводительными статьями и комментариями М. М. Морозова. Давая оценку выполненных Пастернаком переводов шекспировских пьес, ученый отмечал их значительность "прежде всего потому, что автором этих переводов является большой поэт", а также потому, что "он правильно понял самую задачу театрального перевода".

Пастернаковский перевод "Ромео и Джульетты" М. М. Морозов считал "вообще лучшим художественным переводом Шекспира на русский язык": "Пастернак нашел живые интонации, нашел звучание речи каждого действующего лица. Перевод Пастернака порывает с тем традиционным представлением об этой пьесе как о картине пышного Ренессанса, Ренессанса в шелку и бархате, в шляпах с перьями, нарядного маскарада. Это не итальянская пьеса — это в большей степени картина в духе нидерландской школы, и в этом отношении Пастернак идет по следам Островского, переведшего "Укрощение строптивой".

Если сравнить перевод Аполлона Григорьева с переводом Пастернака (эти переводы во многом близки), то видно, как шагнуло вперед искусство перевода. Может быть, в переводе Пастернака есть то, с чем другие художественные переводчики не согласятся. Может быть, другие переводчики выделят другие стороны шекспировской пьесы. Пастернак как-то сказал в разговоре, что в пьесе звучат два шума: звон мечей и звон кухонных тарелок (дочку выдают замуж). У Пастернака звон тарелок в доме Капулетти, пожалуй, громче звона мечей. Но это отнюдь не исключает того, что Пастернаком передана лирика, передано дыхание молодости пьесы… Это поэтический перевод. Кроме того, как заметил зоркий критик Немирович-Данченко, выбравший пастернаковского "Гамлета" для МХАТ, у Пастернака доминирует не просто слово, а слово-действие. Сравните с подлинником перевод Пастернака, и вы увидите, насколько он умеет переводить движение и жесты" {Стенограмма V

Шекспировской конференции 27–29 апреля 1943 г., с. 11–12. Архив ВТО.}.

Свою искреннюю признательность "знахарю по шекспировским делам" за поддержку и помощь в неимоверно трудной работе Борис Пастернак выразил не только в письмах, но и в шуточных стихах:

…И под руку с Морозовым —
Вергилием в аду —
Все вижу в свете розовом
И воскресенья жду[1]

Вергилием, то есть мудрым вожатым по царству, населенному образами Шекспира, охотно становился Морозов не только для Пастернака. "В те дни, когда я работал над сонетами Шекспира, и позже, во время нашей совместной с ним работы над переводом "Виндзорских насмешниц" для Театра Моссовета, Михаил Михайлович чуть ли не каждый день бывал у меня, — засвидетельствовал С. Я. Маршак. — В сущности, Михаил Михайлович Морозов на протяжении многих лет был неизменным помощником и советчиком всех, кто переводил, ставил или играл на советской сцене Шекспира" {Цит. по кн.: М. Морозов. Шекспир, Бернс, Шоу. М., 1967, с. 320.}. В этот круг входили Н. Акимов и В. Вагаршян, А. Васадзе и Ю. Завадский, Г. Козинцев и Б. Ливанов, С. Михоэлс и Н. Мордвинов, А. Остужев и А. Попов, Р. Симонов и Г. Уланова, Н. Хмелев и А. Ходжаев, А. Хорава и А. Яблочкина, В. Левик и М. Лозинский, А. Радлова и Т. Щепкина-Куперник… "Вы, как всякий русский человек, оказались человеком с большим сердцем, чутким и глубоко принципиальным. Оценка Ваша, как крупнейшего авторитета, дает мне силы продолжать работу как над Отелло, так и над другими образами Шекспира, — писал 9 мая 1944 года профессору Морозову Акакий Хорава. — Говоря искренне, стоит работать, чтобы заслужить похвалу таких авторитетов, как Немирович-Данченко, Вы, Качалов…" {Оригинал письма в архиве Е. М. Буромской-Морозовой.}

Чрезвычайно насыщенной и плодотворной была деятельность М. М. Морозова как руководителя Кабинета Шекспира и западноевропейского театра, созданного при Всероссийском театральном обществе. Возглавив Кабинет в 1937 году, он проводил систематические консультации не только с московскими, но и периферийными театрами, готовившими постановки пьес Шекспира; выступил инициатором издания "Шекспировских сборников" (первый вышел в 1947 году), вокруг которых объединились лучшие силы отечественных

шекспироведов; организовал свыше десяти шекспировских конференций.

Конференции эти, начиная с 1939 года, проходили регулярно, не исключая и периода Великой Отечественной войны. В тяжелейших условиях военного времени проводилась IV Шекспировская конференция 1942 года, на которой М. М. Морозов выступил с докладом "Борьба за гуманизм в творчестве Шекспира". То обстоятельство, что подобное мероприятие проходило в Москве в дни, когда к ней рвались гитлеровские полчища, не могло не вызвать широкого международного резонанса. В адрес конференции было получено множество приветствий от зарубежных научных и культурных организаций, университетов и библиотек, шекспировских обществ, английских и американских деятелей театра, кино — в том числе от Чарли Чаплина.

Передо мною — пожелтевшая от времени стенограмма следующей, V Шекспировской конференции, состоявшейся в ВТО 27–29 апреля 1943 года. М. М. Морозов сделал на ней доклад "Советское шекспироведение во время Отечественной войны", председательствовал на заключительном заседании, где подводились итоги дискуссии. Ученый подчеркнул, что "Шекспир идет с нами сегодня в борьбе против темных сил фашизма". В своем докладе он рассказал о последних работах советских шекспироведов, о новых шекспировских постановках и переводах, о том, какой отзвук находит бессмертное слово Шекспира в сердцах наших воинов, когда бригады артистов выступают перед ними на фронте, в госпиталях.

Одним из главных тезисов выступления М. М. Морозова было утверждение, что "наука о Шекспире неразрывно связана с изучением театра и прошлого и настоящего". А советский театр он справедливо назвал "крупнейшим комментатором Шекспира". Будучи до глубины души преданным не только театру Шекспира, но и театру вообще, человеком, непоколебимо верящим в могущество этих двух своих кумиров, Морозов стал идеальным связующим звеном между научным шекспироведением и сценой, не уставал указывать на необходимость и взаимную пользу живого контакта между ними.

В записной книжке А. П. Чехова есть такая язвительная фраза: "Мнение профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему" {А. П. Чехов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 10, М., 1963, с. 478.}. Профессор М. М. Морозов придерживался прямо противоположного мнения — для него Шекспир был превыше всего. Но он прекрасно сознавал и важность "примечаний" квалифицированного специалиста для правильного понимания

публикой созданий шекспировского гения. В результате появилась книга М. М. Морозова, выпущенная издательством ВТО в самый канун начала Великой Отечественной войны, — "Комментарии к пьесам Шекспира". Она ставила себе скромную задачу: оказать помощь актерам, режиссерам и художникам, работающим над сценическим воплощением шекспировских драм. С тех пор эта книга давно уже стала библиографической редкостью, а между тем она сохраняет немалую практическую ценность, ибо по-прежнему, выражаясь словами Александра Блока, без Шекспира не имеет права обойтись ни один театр с большим заданием. Поэтому решено было включить в настоящий сборник этот труд М. М. Морозова, дополнив его сохранившимися в архиве комментариями еще к трем пьесам Шекспира: "Антоний и Клеопатра", "Король Лир", "Генрих IV".

Таким же практическим целям призвана была служить другая работа М. М. Морозова — кропотливый, тщательно прокомментированный подстрочный перевод "Гамлета" и "Отелло", где даны всевозможные толкования "темных" мест. Тут опять нельзя не вспомнить А. П. Чехова, который в одном из писем Н. Д. Телешову еще в 1902 году советовал заказать кому-нибудь "буквальные, прозаические переводы, прозаические, но великолепные переводы "Гамлета", "Отелло" и проч. и проч.". Именно такие — "прозаические, но великолепные" — переводы двух этих трагедий и были сделаны М. М. Морозовым. Он не претендовал здесь, по его собственному признанию, на художественность, — его единственной целью было с максимально возможной точностью передать содержание оригинала. И это достигнутое им качество заставляет по сей день специалистов-филологов, режиссеров и поэтов обращаться к морозовским переводам, позволяющим глубже вникнуть в сокровенный смысл текстов Шекспира.

Исследования и популяризаторские статьи о Шекспире занимают, бесспорно, центральное место в наследии Морозова. Но помимо этого он писал также о других классиках английской литературы — о Марло и Колридже, о Китсе и Бернсе, о Диккенсе и Шеридане, о Шоу и народных балладах робингудовского цикла; участвовал в написании академической "Истории английской литературы".

Безграничная любовь к театру продиктовала ему блестящие литературные портреты русских мастеров сцены прошлого века: М. Т. Иванова-Козельского, В. Н. Андреева-Бурлака и М. И. Писарева. Драматична была судьба всех трех этих незаурядных талантов. Но воссоздавая колоритный творческий и человеческий облик каждого из них, автор очерков сумел красочно показать

роль этих провинциальных артистов в обогащении русской дореволюционной культуры.

В последние годы жизни М. М. Морозов с увлечением работал главным редактором журнала "Новости" ("News"), выходившего на английском языке и предназначенного способствовать улучшению международного взаимопонимания и сотрудничества. На этом посту он проявил себя не только как опытный редактор и организатор, но и как прекрасный публицист. Смерть настигла его за работой над очередной статьей для этого журнала.

В некрологе "Умер редактор — борец за мир", помещенном на первой полосе газеты английских коммунистов "Дейли уоркер", говорилось: "Морозов умер на своем посту, помогая укреплять мир, стремясь — выражаясь словами Шекспира, которые он так любил цитировать, — "разоблачать ложь и выводить правду на свет".

Более трех десятилетий минуло со дня его смерти, но труды ученого продолжают сохранять свое значение. К ним обращаются уже новые поколения тех, кто хочет, чтобы театр Шекспира поднял перед ними свой занавес. Быстро разошлись тиражи однотомников избранных работ М. М. Морозова, выходивших в 1954,1967, 1979 годах и получивших высокую оценку в печати. Есть все основании полагать, что такая же счастливая участь ожидает и эту книгу, в которую включены давно не издававшиеся статьи крупнейшего знатока шекспировского наследия и театрального искусства.

На закате дней М. М. Морозов написал стихотворение:

Ты в этот час кручины злой
С судьбой своей дерись,
Чтобы свистящею стрелой
Над миром пронестись.
Летящей быстро не страшна
Ночей немая тень,
И там, где упадет она,
Начнется новый день.

Насыщенная творчеством и событиями жизнь Морозова действительно пронеслась как свистящая стрела. Но он оставил после себя яркий след, а не немую тень. Ибо шел навстречу новому дню, с упоением созидателя и поэта трудясь во имя торжества красоты и гармонии в мире, во имя настоящего и будущего.

"Шекспир, и несть ему конца!" — озаглавлена знаменитая статья Гёте. "Морозов вчера, сегодня, завтра" — так названа одна

из заметок об ученом, помещенная в настоящем сборнике. И поистине советская филологическая наука, советский театр, читатели и зрители весьма обязаны этому "вдохновенному другу Шекспира", который многое сделал для того, чтобы мы постоянно ощущали великого "творца Макбета" своим современником.

notes

Примечания

1

Цит. по машинописной копии, сделанной А. Е. Крученых и хранящейся в архиве Е. М. Буромской-Морозовой.